

80-летие со дня рождения А. М. Горького

Последняя встреча

Мы встретились с Горьким в последний раз в Крыму в 1936 году, месяца за три до смерти Алексея Максимовича.

Горький зимовал в Тессели, под Байдарскими воротами, в старинном одноэтажном доме, расположенному среди парка, у моря.

Только в январе выпал в эту зиму первый снегок. На ветвях деревьев посвистывали синицы. Дул влажный морской ветер.

Горький много работал у себя в угловой комнате — в своем кабинете, который был так разительно похож на его рабочий кабинет в Москве на Малой Никитской, под Москвой в Горках или в Сорренто, против дымившегося Везувия.

Казалось, он возит свою рабочую комнату с собой.

Где бы Горький ни находился, с ним везде были его книги, на столе у него лежали те же аккуратные стопки линованной бумаги с полями, остро отточенные карандаши и новельные перья.

Невысокий каменный дом с большой стеклянной верандой был затерян среди деревьев у пустынного берега моря, в стороне от проезжей дороги.

Но только что вышедшие книги, журналы, письма, газеты, радио и постоянные гости со всех концов нашей страны связывали Горького с большим миром, которым он ни на минуту не переставал интересоваться.

Сюда, на этот форосский берег приехала группа советских писателей для того, чтобы повидаться с Алексеем Максимовичем и поглядеть на мир из этой горьковской обсерватории, откуда так хорошо и широко было видно наше время.

Еще кружилась голова от бесконечных поворотов автомобильной дороги, когда мы вошли в просторную прихожую и услышали низкий, мятый, как бы приглушенный голос Горького.

Алексей Максимович ждал нас и за работу еще не принимался. Вот он — высокий, строгий, с нависшими, еще не поседевшими до конца усами, с ровным ежиком нитчук не поседевших волос. Походка его легкая и уверенная, как прежде.

Утро было в этот день солнечное, но прохладное. В кабинете затопили печь. Горький усадил нас, присажив, у огня. Первый разговор был короткий — о Москве, о литературных новостях. Скоро мы разбрелись по парку, пошли к морю, а хоязин наш остался один у себя за письменным столом.

Он писал в это время своего «Клима Самгина», работал над пьесой, отвечал на многочисленные письма.

Литературное хозяйство у него было «многопольное».

Вечерами мы все собирались в столовую у радио. Оно приносило нам в это время печальные и мрачные вести из Абиссинии, где итальянские фашисты убивали беззащитных женщин и детей.

Это были первые фашистские бомбы, упавшие на мирную землю, и Горький, как никто, чувствовал и понимал, что предвещает эта отдаленная война в Абиссинии.

Помню его усталое к вечеру, бледное до желтизны лицо, полуопущенные ресницы, настороженно постукивающие по столику пальцы.

— Нельзя оставлять этих разбойников на свободе, — говорил он не-громко и медленно. — Нельзя.

Мысли его все время обращались к приближавшейся войне. Он чувствовал ее поступь и много думал о том, как мобилизовать все лучшее в мире для противодействия темным силам.

Но эти мысли не мешали ему, а, может быть, даже помогали думать о жизни созидательной.

Праздничным был для него тот день, когда он получил от самого творца нашей Конституции только что напечатанный ее проект.

Он вышел к столу с красной книжечкой в руках и сказал, обращаясь сразу ко всем людям, находившимся в комнате:

— Вот книжка, которая превосходит все наши писания... Это документ величайшей силы!

За окнами горьковской дачи шумел в темноте влажными ветвями весенний сад. Гудело море. И казалось, что сама жизнь шумит у порога дома, где живет этот человек, не-престанно прислушивающийся к своей стране.

Для него не было малых дел.

Его интересовало строительство, созидание во всех видах — от рождения новых городов до выпуска новой детской книжки.

Чуть ли не в первый же день моего приезда — после обеда — он позвал меня к себе в угловую комнату и предложил моему вниманию несколько исписанных сверху донизу листов бумаги с очень широкими полями, отмеченными синей линейкой.

Я сразу узнал горьковский квадратный, ровный, особенный почерк и подумал, что это новый его рассказ или отрывок из романа.

Я стал читать тут же, не отходя от стола.

«Земной шар. Сделать из папье-маше глобус, разрезать его сообразно пластам вулканических и апенитических пород, показать вкрапление в них различных рудных и нерудных ископаемых: угля, железа, солей, нефти, торфа и т. д.

Складывая из кусков шар, ребенок незаметно для себя ознакомится со строением земли и ее богатствами».

Вот что писал Горький, отложив на время в сторону «Клима Самгина» и пьесу.

Вряд ли среди наших современников во всем мире мы нашли бы другого прославленного писателя, который вдумал бы интересоваться такими, казалось бы далекими от художественной литературы предметами, как геологический глобус для детей или разборная карта родной страны.

«Собирая отдельные куски этой карты в целое, ребенок получит весьма точное представление о географии своей Родины».

Если карта окажется слишком громоздкой — Сибирь дать отдельно».

Если в последние месяцы своей жизни Алексей Максимович так заботился о геологических глобусах и географических картах для советских ребят, то и полвека тому назад он хлопотал о коньках для детей городской окраин и мастерил для деревенских мальчиков и девочек самодельные альбомы, наклеивал на чистые страницы рисунки из журналов.

С молодых своих лет он с полной ясностью представлял себе огромные воспитательные задачи литературного дела и те простые обязанности, которые лежат на каждом взрослом человеке по отношению к ребенку.

Он замечал детские беды, мимо которых многие проходят равнодушно.

Помню, я увидел у него на столе бандероль, приготовленную к отправке в какой-то глухой городок на имя школьника. В бандероли было два экземпляра «Детства».

Оказалось, у мальчика случилась беда: он потерял библиотечный экземпляр этой повести и в совершенном отчаянии решился написать в Москву, самому Горькому.

Алексей Максимович откликнулся без промедления. Он всю жизнь помнил, как трудно доставались книги Алеши Пешкову.

Горький очень заботился о том, чтобы его собственный сын, которому довелось расти в иной несравненно более счастливой обстановке, чем та, в которой рос когда-то Алеши Пешков, правильно представлял себе, как живется множеству детей в тогдашней России.

Вот что он пишет маленькому Максиму из Старой Руссы:

«Я живу в городе, где нет книжного магазина. Здесь из-под земли бьют фонтаны очень соленой воды и кроме этого ничего нет. Я купаюсь в соленой воде и стал, как селедка. Живет со мной малышика Бориска, очень дикий и чудной человечек; ему одиннадцать лет, а он не знает грамоты и говорит, что в паровозе заперта вороная лошадь, оттого он и двигается. А звезды с неба, говорит он, ангелы на ниточках опускают для того, чтобы на земле светло было. А мать и отец у него пьяницы, колотят Бориску и заставляют его носить воду в тяжелых ведрах и просить милостыни на улицах. Он собирает денег, а они пропьют. Теперь я его не отдаю, а пристрою в школу, пускай учится. Вот как скверно живут иные мальчики...».

Эти строки с необыкновенной ясностью свидетельствуют, как горячо относился Алексей Максимович к судьбам маленьких людей, которые то и дело попадались ему на пути.

А вместе с тем, они во всей полноте рисуют его отношения с сыном — мужские отношения, крупные, сочетающие в себе непринужденную шутливость с полной серьезностью.

Письмо пронизано верой в то, что семилетний мальчик должен понимать и понимает общественные обязанности настоящего человека.

Великий друг человечества и неустанный борец за его счастье, Горький то и дело обращался мыслью к тем, кто представляет собой будущее — к детям.

Обстоятельные и серьезные заметки Горького о наглядных пособиях для детей, набросанные им в Крыму в последние месяцы жизни, кажутся необыкновенно трогательными.

Они волнуют не меньше, чем последнее письмо Пушкина, помененное днем его дуэли. В письме, адресованном писательнице Александре Ишковой, Пушкин вдумчиво и уважительно говорит об ее «Истории России в рассказах для детей».

Они волнуют не меньше, чем последнее письмо Пушкина, помененное днем его дуэли. В письме, адресованном писательнице Александре Ишковой, Пушкин вдумчиво и уважительно говорит об ее «Истории России в рассказах для детей».

Эти два замечательных человека, столь различных по облику и голосу включали в свое огромное литературное хозяйство и заботу о тех полемиках, которые идут им вслед.

Тот, кто, умирая, думает о будущем, подлинно бессмертен.

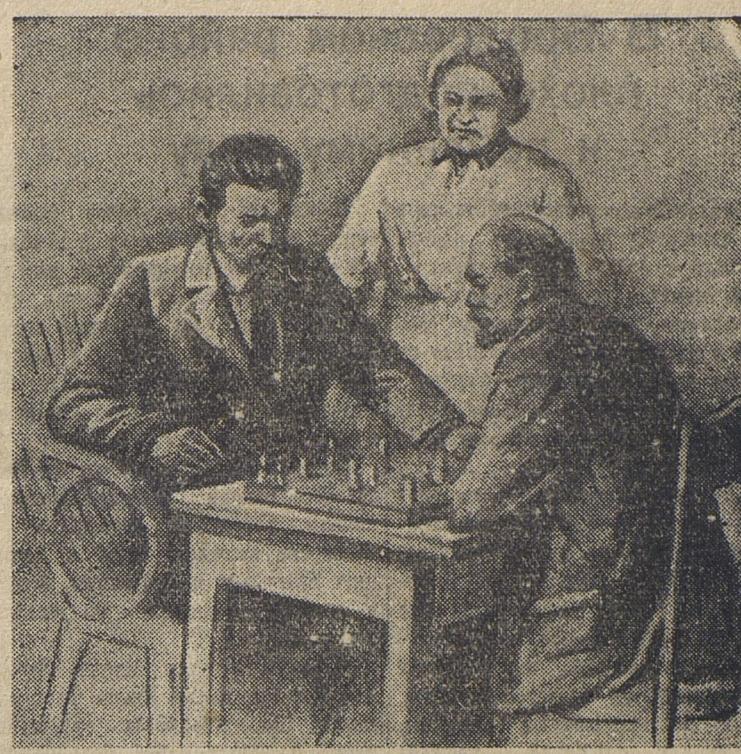
...Я увез с собой из Тессели несколько тщательно исписанных руками Горького листков и немеркнувшую память о большом человеке, современником которого мне посчастливилось быть.

С. МАРШАК.

ступит профессор Р. Волков, доцен-тес. В. Воробьев и В. Дмитрук сде-лают сообщения на темы: «Ленин и Сталин о Горьком», «Горький и украинская литература». После доклада и сообщений состоится кон-церт студенческой художественной самодеятельности, в программе кото-

рого — произведения Максима Горького.

В научной библиотеке открылась выставка «Горький и Украина». Во всех учебных группах филологического факультета проводятся беседы о жизни и творчестве великого про-литераторского писателя.

Владимир Ильин Ленин, Максим Горький и Надежда Константиновна Крупская. Репродукция фотохроники РАТАУ.

Горький-поэт

«Мое сердце пело всегда оди-гимн: «Да здравствует человек!» М. ГОРЬКИЙ.

Горький впервые выступил в печати в 1892 году в журнале «Стрекоза» с юмористическим стихотворением. К своим ранним стихотворным опытам он относился крайне критически, никогда не признавал себя поэтом и в одном из писем скептически признавался: «...верно, я грешен, стихи писал, очень много писал их, но всегда очень дубовато. Понимал сие и будучи правоверным прозаиком, я уничтожил их. Печатал же в молодости — по легкомыслию».

Однако Горький-поэт создал бессмертные поэтические образы, овеянные революционной романтикой и горячим лиризмом. В 1892 году Горький создает гениальную поэтическую сказку — гимн любви «Девушка и Смерть», силу которой так глубоко понял и отнекил И. В. Сталин, сделав в 1931 году надпись на тексте поэмы: «Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете (любовь побеждает смерть)». Любовь сильнее смерти — в этой мысли оптимистическое возрение автора, пафос его поэмы:

«Краше солнца — нету в мире бога. Нет огня — огня любви чудесней».

Обширна и грациозна сюита стихов (18 стихотворений) в валашской сказке «О маленькой фее и молодом чабане» (1895 год), написанной по материалам народных дунайских песен и легенд. Мотивы судьбы, смерти, смысла жизни и любви роднят эту сказку с «Девушкой и Смертью», культ свободы, пафос борьбы — с «Песней о Буревестнике».

Имя Горького-поэта в сознании широкого читателя прежде всего связывается с «Песней о Соколе» (1895 год) и с «Песней о Буревестнике» (1901 год). На заре революции Горький был ее великим глашатаем, пламенным Буревестником. Он «...крепко связал себя своим величими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира» (Ленин). Идеальная насыщенность революционных стихотворений Горького заключалась в том, что они воспринимались

будучи блестящим мастером разнообразных литературных жанров, Горький и в поэзии сумел сказать свое оригинальное «весомое и зри-мое», животрепещущее слово, создав сверкающий ряд поэтических образов, павки воведших в золотой фонд русской классической поэзии.

В статье «Десять лет» (1927 год) Горький писал: «Вперед и выше — это путь единственно достойный людей нашей страны, нашей эпохи. Моя радость и гордость — новый русский человек, строитель нового государства».

Великий певец свободы, любви и человеческого счастья, Алексей Максимович, горячо верил в революционную мощь «наилучшего, красивого, честного, благородного» человека-творца, изменяющего мир и себя, победонесно, радостно идущего вперед, к коммунизму.

Елена ПОПОВА.

Горьковские дни в университете

Студенты и преподаватели Львовского государственного университета широко отмечают 80-летие со дня рождения Алексея Максимовича Горького. 30 марта состоится общегородской вечер. С докладом на тему «Горький — родоначальник социалистического реализма» вы-